

В ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ — ФАЛЬСИФИКАЦИЯ И... ПОШЛОСТЬ

Как оградить детей от таких «учебников»?

Вряд ли надо доказывать, в какой мере высокое качество образования зависит от учебника.

В прежние времена их выпуск был монопольным правом издательства «Просвещение». Учебные книги проходили не только строгую экспертизу учёных и методистов, но несколько лет апробировались в школе. Авторы, дорабатывая свои труды для детей, непременно учитывали мнения педагогов.

Сегодня изданием учебников занимается добрый десяток издательств, что само по себе и неплохо.

Плохо другое: требования к авторам резко снизились. Да и вряд ли можно предъявлять строгие требования при таком производстве: по некоторым предметам насчитывается от 10 до 40 «альтернативных учебников».

Статья, которую мы вам предлагаем, — об этой тревожной теме. Борьаться с плохими учебниками можно только одним способом — протестными действиями учителей и родителей. Обсудите, пожалуйста, эту статью на секции августовской конференции. Хорошо бы услышать мнение учителей. Кроме образовательного сообщества, некому защитить наших детей от низкопробных поделок, которые проникают в школу под грифом учебника.

Миражи истории

Николай Смирнов

Наука история вот уже второе десятилетие переживает трудные времена. А вместе с нею и школьный предмет — история. Учителям сегодня предлагаются полсотни учебников, периодически появляются и новые. Их авторские концепции порой полярны, что может оказать ученикам, особенно при переходе в другую школу, весьма плохую услугу. В такой ситуации что делать учителю? Вероятно, ориентироваться не столько на учебник, сколько на собственные знания, культуру, на здравый смысл, чтобы дополнить или исправить написанное очередным автором.

Учителям очень трудно вести этот предмет. Вопросы, исторической наукой ещё не решённые, по которым идут активные дискуссии учёных, часто подаются в качестве достоверного фактического материала. В то же время факты известные либо замалчиваются, либо получают заведомо ложное толкование. В качестве примера «опережающего» школьного материала можно привести изложение событий XX века, в которых авторам особенно трудно удержаться от собственной позиции. То, что «красная» история заменена почти полностью на «белую», — давно свершившийся факт. Ретивых «интерпретаторов» истории не останавливает ничто. Даже то, что во Франции, например, события конца XVIII века называются не иначе, как Великая Французская революция, а день взятия Бастилии до сих пор один из самых любимых праздников. У нас же события не меньшей значимости для страны подаются как «октябрьский переворот», а если и идёт речь о революции, то лишь о Февральской, и то с обязательным рассказом о «пьяной солдатне» и «бешеных женщинах» из хлебных очередей.

Новоявленные авторы учебников не щадят даже бесспорных исторических реалий. Всем известно, что на Чудском озере Александр Ярославич с дружиной суздальцев и новгородским ополчением разбил отряд ливонских рыцарей. Всем известно, что произошедшее там сражение вошло в историю под названием «Ледовое побоище». И уж никак нельзя назвать его «крупнейшей битвой Средневековья». Ни слова нет в учебнике о том, в связи с чем Александр Ярославич в церковной памяти стал «святым»: о запрещении им диспутов с католиками и сохранении православной веры. Ни слова — о дружбе с сыном Батыя Сартаком...

Штампами кормили несколько поколений наших школьников, и высвободившаяся от пресса идеологии школа должна бы давать детям действительные факты. Но, к сожалению, наши историки никак не могут выработать позицию исторической достоверности, каждый автор хочет заявить о себе и наперекор всему выделиться из группы коллег. Но под видом новшества нередко преподносится детям полная несуразица. Например, в повествовании об образовании древнерусского государства говорится о том, что хазары собирались установить контроль над выходом к Балтике и стремились завоевать северо-западные славянские земли. Даже мобильная монгольская армия, состоявшая сплошь из пассионариев, привыкших к суровым степным зимам внутренней Монголии, не пошла на Новгород. А вот теплолюбивые хазары были готовы сделать это, если бы не помешали наёмные варяги!

Серьёзной проблемой (уже не для учителя, а для ребят) является практически полное отсутствие межпредметных связей. В школах Москвы в рамках регионального компонента изучается москвоведение. Оно совершенно не соотносится с изучением истории Отечества. Дети в 6-м классе, например, одновременно изучают тему расселения восточных славян и по истории, и на москвоведении,

в процессе чего им рассказывается сопутствующая история Московского государства. Спрашивается: для чего такая мешанина, превращающая предмет в полную эклектику? Хорошо, если учитель обратит внимание ребят на причины массовой застройки Кремля в конце царствования Ивана III и её последствия для всего государства: отсутствие серьёзной внешней опасности, появление большого числа мастеров, разнесших по всем городам и весям приобретённые умения. К сожалению, обычной практикой является примитивное заучивание названий кремлёвских башен...

Отсутствие межпредметной интеграции — серьёзная болезнь школы. Так, мифы Древней Греции изучают на уроках истории в 5-м классе, а литературы — в 6-м. «Повесть временных лет» рассматривают на литературе в 5-м и начале 6-го класса, тогда как историю древнерусского государства изучают со второго полугодия 6-го класса. Это неизбежно приводит к снижению интереса, к размыванию исторического мышления. Учитель сейчас имеет право творчески относиться к программе (заменять какие-либо произведения, вставлять другие, перемещать их по времени изучения). Было бы замечательно на секции августовской конференции договориться о том, как объединить усилия учителей истории и литературы, скоординировать преподавание смежных тем.

Традиционно в учебниках есть тема «Наука, искусство, культура». Она даёт-ся всегда в конце того или иного периода. При этом авторы учебников, находясь под властью методического штампа, как правило, забывают, что научно-технические достижения и общекультурная обстановка становятся активным фактором дальнейшего развития. Например, классика античности, сохранённая арабами, вернулась в Европу после крестовых походов. Только благодаря тем же грабительским крестовым походам была восстановлена европейская экономика, практически исчерпавшая до этого ресур-

сы развития. Но взаимосвязь этих процессов обычно не упоминается.

Если говорить о XX веке, то колоссальное изменение жизненного пространства людей привело к ряду неизбежных последствий. Например, появление радио и телевидения привело к тому, что стали исчезать диалекты, происходила унификация образа жизни, что стало первым предвестником глобализации. Мы приходим к тому, что история должна быть *антропоцентричной* и *философичной*. Необходимо смещать акценты с политэкономии на весь комплекс причин. Это важно детям для того, чтобы учиться правильно понимать происходящее сейчас и уметь прогнозировать дальнейшее. Антропоцентричный и цивилизационный подходы в ряде случаев реализуются. Но, как обычно, односторонность приводит лишь к механическому отрицанию прошлых достижений. Если исторический материализм и был ограниченным, то всё же давал представление о процессе в целом. На уровне современных знаний важно понимать историю общества универсально, в ряду общей эволюции жизни и — шире — всей материи. Дети обычно с превеликой охотой ищут аналогии, им очень легко на конкретных примерах, протянув нити связи с другими предметами, в том числе и техническими, объяснить законы диалектического развития.

Плюрализм в современной школе уже миновал уровень отдельных программ и переключался в наименьшую методическую единицу — параграф учебника. Руководствуясь лучшими намерениями, авторы зачастую сталкивают различные исторические концепции или частные интерпретации, предоставляя ученику «право выбора» наиболее убедительной. Это становится уже не отдельным приёмом, а явлением массовым, поэтому стоит подумать о его последствиях.

Ребёнок в средней школе по своим психофизиологическим характеристикам ещё не готов делать осмысленный выбор между научными направлениями.

Глядя на текст параграфа и не имея возможности разобраться в научных основаниях взаимоисключающих толкований одного и того же события, **он получает опыт необязательности выводов науки и автоматически начинает поверхностно относиться к её методам, к научной истине.** В сложившейся ситуации особую роль приобретает учитель, его личностные характеристики, его позиция. Иначе мы с вами превратимся в придаток быстро меняющихся программ и учебников.

Всему этому есть серьёзные причины. Просочившийся в Россию постмодернизм активно насаждается на изначально чуждой для него почве. **Суть постмодернизма — абсолютизация относительности, плюралистическое уравнивание в правах частного мнения и мнения серьёзного специалиста. Наука с такой точки зрения представляется разновидностью увлекательной интеллектуальной игры, общеобязательности научные выкладки не имеют, каждый выбирает себе выводы по произвольному предпочтению.** Знаменитый роман Германа Гессе «Игра в бисер» дал превосходную картину такого положения вещей. Только писатель не мог предусмотреть наших нынешних реалий: новоявленные «игроки в бисер» в массе своей отнюдь не отличаются широкой эрудицией и стремлением к духовному совершенству. Их кредо — рафинированные изыски бесплодно теоретизирующего ума. В истории наиболее явным представителем такого «куртуазного маньеризма» предстаёт «Лысенко исторической науки» — академик-математик Фоменко с его «Новой хронологией», давший образец химерического пустословия. Но такие отдельные феномены слишком выделяются, их легко локализовать в пространстве и указать пальцем на неподобное.

Опасны скрытые, слабоосознаваемые ростки и тенденции, вплетённые в чистые струи. Разобраться здесь бывает крайне сложно, ибо мы вступаем в область мотивации и рефлексивной деятельности учёного или педагога, базовых установок его мировосприятия. Таковы, например, фантазии о многотысячелетней «языческой» истории русского народа на основе так называемой «Велесовой книги», когда под предлогом патриотизма и воспитания в народном духе детям преподносятся красочные лубочные недоразумения о славянской мифологии и языческих праздниках. Часто этим отличаются преподаватели литературы и мировой художественной культуры, и здесь тоже желательно выработать единый подход в русле научных исторических знаний.

Этнокультурная среда для появления таких проблем вполне объективна. Почти религиозная вера в науку, насаждавшаяся в советское время, стихийно сменилась на произвольную вкусовщину, в результате чего созданы условия для легкомысленного, ироничного отношения к научным доказательствам. «Что она может, эта ваша наука?», «Пусть сначала ваши учёные между собой разберутся!» — эти фразы обывателя, пришедшие из времён позднего застоя, сегодня активно возвращаются на

новой почве. И, к сожалению, на школьной. Раньше учёные представляли этикими «жителями Олимпа», жрецами-авгурами, изрекающими истины в последней инстанции. Наивная вера в научное чудо сменилась неверием. Этим и объясняется нездоровый интерес многих людей к вульгарному оккультизму и магии, а также к «сенсационным» псевдонаучным открытиям. События, произошедшие у нас в стране, совпали с общемировым процессом укрепления позиций постмодернизма. Но мы с вами — разумные люди и должны остановить стихийное качание маятника; не обожествлять науку, но и не допускать её низвержения.

Зловещие призраки «Граждановедения»

В университетских дипломах истфаков педвузов обычно пишут: «преподаватель истории и общественных дисциплин». Есть такой диплом и у автора статьи, поэтому школьные «общественные дисциплины» вызывают у меня особый профессиональный интерес. Нынче в средней школе они представлены граждановедением. Курсы граждановедения с 5-го по 9-й классы — подготовительный этап к изучению обществознания в старшей школе.

С учебниками — ситуация прямо противоположная истории. Учебников по общественным дисциплинам немного, но они вызывают гораздо большее беспокойство. Прочитав неграмотно написанный учебник истории, ученик в худшем случае утратит интерес к предмету и механически заучит необходимые для оценки имена и даты. Иное дело — неумело изложенный курс граждановедения, которое ещё не устоялось в педагогической практике, не получило необходимого методического и методологического обеспечения. Предмет граждановедения — преимущественно современное общество или, по крайней мере, те концептуальные знания о нём, что существуют в современных науках. **И вот об этом обществе в учебнике полно вредоносных толкований и ложных образов, внушаемых детям.**

Широко распространён комплект учебников по граждановедению для 5–9-х классов, выдержавший уже несколько изданий. Речь идёт о комплекте Я.В. Соколова — А.С. Прутченкова. Я ознакомился с этими учебниками поначалу по рассказам недоумевающей дочери-отличницы, а после, пристально их прочитав, пришёл к выводам весьма и весьма неутешительным.

Перечислить все казусы, содержащиеся в книгах этих авторов, невозможно. Буду говорить о главном. Создатели комплекта, несомненно, люди весьма образованные и юридически грамотные. Настолько образованные, что в многочисленных словариках по ходу изложения рассказывают о д е с я т к а х деятелей, имена которых не знают порой даже профессиональные историки и филологи. В 5-м классе это, например, Маттиас Клаудиус, Густав Фрейтаг, Кретьен Мальзерб, Бруно Ясенский,

Генри Филдинг, Джон Птитсен, Уго Фосколо, Фелисите Ламенне, Пьер Буаст, Публий Сир, Йозеф Этвеш, Уиолсон Мизнер, Ралф Эмерсон. Да и гораздо более известные имена Артура Шопенгауэра (причём дважды!), Джироламо Савонаролы и Мохандаса Карамчанда Ганди (не Махатма Ганди, заметьте, а непременно Мохандас Карамчанд!) — сомнительная находка. Говоря по правде, вообще сомнительно, чтобы ребёнку в 10–11 лет был полезен предмет с названием «Граждановедение». Инстинкт социализации, как известно, просыпается гораздо позже.

Поэтому при всей своей эрудиции (а скорее — наличии под рукой словаря афоризмов) Я.В. Соколов, единолично создавший учебник для пятиклассников, совершенно не в курсе законов возрастной психофизиологии и особенностей человеческого восприятия. Написанный им учебник носит гипертрофированно дидактический характер, переходящий порой просто в занудство (простите за «непарламентское» выражение!). Он обильно наводнён цитатами из Уголовного кодекса. Рассмотрение любого вопроса начинается с угрожающих сентенций, имеющих ярко выраженный депрессивный характер. (О пособиях для других классов упомяну лишь мельком, дабы не растечься мыслью по древу и более убедительно продемонстрировать концентрацию авторского произвола.) Когда нечто безобразное резко выделяется из общего ряда, его легко увидеть и отстраниться от воздействия. Когда же в подобном непотребном ключе написан весь учебник, порог критического восприятия неизбежно снижается. Этот эффект широко описан психологами: погружение в законы системы и попытка понять логику происходящего при неготовности противостоять его концепции приводит к пассивному принятию этой системы с редкими всплесками несогласия и недоумения в деталях. **При базовом доверии к печатному слову, что для России всегда играло существенную роль,** такая ситуация опасна вдвойне.

Итак, учебник уже во вступительном обращении начинает массированную атаку на ученика: *«От вас самих зависит, будет ли эта жизнь сложной или вы проживёте её радостно и счастливо. Вы уже успели почувствовать, что жизнь — это не только развлечения и радости. Это и нелёгкий труд. Это и горести.»*

<...>

И уроки истории не спасают. Они о былом: о царях, о войнах, о восстаниях и революциях. И ещё о том, как простому народу плохо жилось в старину. Как будто сейчас всё хорошо» (3). Совершенно непонятно: на каком основании автор противопоставляет сложность и радость жизни? На каком основании делает назидательный ветхозаветный акцент на горестях? Почему уроки истории представляет как историю плохого, а после ничтоже сумняшеся переносит это плохое в современность? Впечатление от всего этого может быть одно: некуда бежать... Но это только начало. Благополучное прохождение человека по жизни, утверждает автор, зависит от количества вспомогательных инструментов, которые человек создаёт себе сам и которые автор называет не иначе как «подпорками». *«Так и человек. Чем больше подпорок он сам для себя создал, тем прочнее и лучше его жизнь» (4).* Через две страницы идёт перечисление таких «подпорок» *«в жизненных бурях» (!): «Конституция и законы, компьютер, иностранные языки, сильная воля, физическое здоровье, благоразумие, отсутствие вредных привычек (курение, пьянство, наркомания и т.д.), настоящие друзья, семья, знание людей, вторая профессия, общая культура, чувство ответственности».* Не говоря уже о том, что это — типичная «окрошка» из понятий, качеств характера, предметов и т.д., в этом перечне нет среди нерядоположенных «подпорок» ни благородства, ни сердечности, ни отваги, ни трудолюбия, честности, искренности, ни щед-

рости и великодушия... Немодные это нынче слова, исчезающие. Не то что «компьютер», который, согласно Я.В. Соколову, уж точно поможет выдержать «жизненные бури». Может быть, все традиционные для народов России нравственные ценности входят в стыдливо приулюлюванную в конце списка «общую культуру»? Но что она — рядом со второй профессией и Конституцией?!

В нескольких местах, в том числе и в самом начале, вставлены странные заявления: *«...некоторые сердитые и очень учёные люди могут нас не понять. Им нужно, чтобы вы узнавали сразу всё, что они сами знают. А они знают очень много» (7).* Аналогичная борьба с таинственными «сердитыми учёными людьми» продолжается и далее (С. 47), предваряя параграф «Семья»: *«Пусть учёные люди не улыбаются, прочитав эти строки о семье. Будет лучше, если они сами попробуют объяснить Вам, почему семья названа первичной ячейкой общества. Если таких учёных рядом с вами нет, то попробуйте самостоятельно объяснить значение семьи для общества».* Создаётся впечатление, что автор полон решимости довести спор с невидимыми, неизвестными оппонентами до сведения детей. Зачем эти отступления? Для кого?

Первая же глава «От чего зависят поступки человека» начинается несколько истеричным побуждением к признанию: *«Любой из нас совершал поступки, о которых потом приходилось жалеть. Каждый хватался за голову с криком: «Что я наделал!» (9)* Это в 5-м-то классе! А что будет дальше? А далее следует рассказ о встрече дочери с 70-летним отцом, которого приговорили к смерти за фашистские преступления, с вопросом: справедливо ли поступили? Неужто детям, только-только окончившим начальную школу, самое время посмаковать обоснованность казни фашиста на фоне горя его дочери? Знают ли дети этого возраста само понятие — фашизм?

Глава «Обыватель» содержит примитивно-нравоучительный рассказ о том, как, собравшись умирать, бабушка пригласила всех детей, внуков и правнуков. Со всеми поговорила, а потом возьми и скажи: «Не знаю, зачем я жила — только небо коптила». И быстренько умерла, чтобы никто не успел возразить. Школьникам предлагается начать с этой бабушкой заочный диалог. Зачем? По какой проблеме? Готовы ли дети к такому «диалогу»? Там же автор утверждает, что обыватель не пойдёт на встречу с депутатом, ибо ему **всё равно, что происходит в стране**, и об этом он задумается только **в Чечне или тюрьме (!)**. Единственное, на что остаётся надеяться при работе с таким учебником, — так это на извечную способность школьников игнорировать учебники. Но ведь кому-то тема покажется интересной... Где-то строгий учитель заставит вести «диалог» с почившей бабушкой...

Задания под стать основным текстам. После параграфа «Обыватель», где десятки раз упоминается это слово и даётся

его определение, представлен кроссворд с «изюминкой». Разгадав все слова, ученик должен получить, по замыслу автора, «не совсем обычное слово». Но интрига шита белыми нитками. Это слово всё то же — «обыватель»... Вот такое «гражданское» сознание у автора учебника по граждановедению.

Автор, несмотря на весь свой пафос, беспрерывно оговаривается, рождая постоянное ощущение фальши и двойственности. «Кто не знает о гладиаторе Спартаке? — спрашивает он и тут же поясняет: — *Этот мужественный раб является символом борьбы людей за свободу*» (27). В начале года дети, увы, ещё не знают, кто такой Спартак. А главное — **Спартак прежде всего человек, а не раб.**

Задавать детям такие вопросы: «Как вы считаете, является участие солдата в чеченской войне выполнением им священного долга по защите Отечества? Был ли выполнен солдатами в Чечне их армейский долг?» — верх безмыслия (28). Но это отнюдь не случайность. Через девять страниц ученикам предлагается узнать у родителей, «что они знают об убийствах журналистов Дмитрия Холодова, Владислава Листьева, православного священника Александра Меня». Такой вопрос целесообразнее было бы задать правоохранительным органам, прокурорам с судьями, но и те вряд ли на него ответят.

То, что автор называет национальностью *нацией*, — вопиющее невежество (41). Но на фоне постоянного морального угнетения детей даже оно малозаметно. Чем же обогащает наших детей параграф «Семья»?

«Вот что написала в своём письме в газету молодая женщина. Письмо пришло из мест лишения свободы. Там она отбывала наказание за преступление».

Это что за внедрение? Тему, которая должна служить психологической защитой для ребёнка, автор учебника беспардонно насыщает примерами из уголовной практики. К каждой теме назидательно и многозначительно приплетает рассказы о местах лишения свободы, о наркомании, о трагических ошибках. Вот и следующий бриллиант блистательной авторской мысли: смысл и назначение семьи, оказывается, в том, что в ней можно отдохнуть от тягот жизни и продемонстрировать личные достижения. В качестве убого-сусальной иллюстрации школьный культуртрегер приводит зарисовку из жизни первобытного охотника: «Возвращаясь с охоты, он представлял, как вокруг него будут прыгать от радости его дети. И жена будет очень ласкова с ним. Ведь глава семьи возвращался не с пустыми руками» (51).

А если бы он, не приведи Бог, возвращался с пустыми руками? Если бы охота не удалась (звери ушли или на него самого напал хищник), как бы встретили его любимые дети и «жена»? Семьи-то тогда ещё не было как таковой. Будущие мужчины, внимая примитивным сентенциям, лишаются права на ошибку в будущем и одновременно получают довольно опасные представления о семье, радости детей и «ласковой жене»...

«Сейчас семья переживает трудные времена. Это связано с кризисом в обществе. Такие времена наступали во многих странах. Но они проходили и жизнь налаживалась. Однако именно в такие времена разваливались многие семьи», — сладострастно продолжает автор рассказ о семье, перечисляя причины её развала:

1) отец не получает достаточно денег, но не хочет менять свою работу;

2) кто-то в семье не выдержал сложностей жизни и стал выпивать;

3) кто-то из детей стал отбиваться от рук.

Теперь зашуганные дети знают, что в развале семьи их непослушание равносильно пьянству или тупому упрямству отца, не желающего менять низкооплачиваемую работу. И какое после этих «этиюдов» у них должно сформироваться представление о недоумках-родителях, о семье? Естественно, как о чём-то лживом, ненадёжном, с которым, говоря по совести, и связываться-то лучше не стоит. После таких «откровений» нелепости вроде: «Наступил период оледенения земли, и мамонты исчезли», — уже не воспринимаются как нечто безнадежно убогое.

В конце параграфа, по недоброй традиции всего повествования, — цитата из УК: «Статья 213. Хулиганство». Какое отношение она (статья) имеет к семье — непонятно...

В разделе «Познай людей и самого себя» всю работу с брачными объявлениями. Детям даётся такое задание: «...познакомьтесь с двумя такими объявлениями. Постарайтесь составить характеристику этих людей. Каким будет психологический климат в семьях, если пожелания этих людей исполнятся?» Это уже полный бред и профанация. Для 10–11-летних детей это что — самая актуальная тема? Как могут они оценивать подобные вещи? Зачем им это? Что, кроме смущения, прикрытого незрелыми возбуждёнными суж-

дениями, они выскажут? Куда направится их воображение? Неужто можно писать учебник, не задумываясь о том, как в детях его слово отзовется?! Термины слова-ря после этого параграфа: арест, преступление, развод, Уголовный кодекс, экологический кризис.

Разрешите вздохнуть...

Но передышек не будет. На очереди — параграф «Достоинства и недостатки человека» (64). Читаем: «Один художник в начале перестройки нарисовал такой плакат: человек в военном френче с усами и трубкой в зубах стреляет из пулемёта. А в патронной ленте вместо патронов — люди во френчах с одинаково причёсанными и улыбающимися головами вместо пуль», — так начинается этот параграф. Ну и ассоциации! Вообще-то **пятиклассники ещё не знают, что такое тоталитаризм, перестройка, политическая сатира, и уж тем более у них не возникает ни малейших исторических параллелей с френчем и усами**. Методический аппарат учебника вообще не выдерживает никакой критики. Но даже это — мелочи, теряющие своё значение рядом с остальным. Идёт беспощадная «танковая атака» на психику ребёнка, сметая все предохранительные заслоны. В каждой теме к юному неокрепшему сознанию подсоединяется «капельница» с обесиливающим раствором из поломанных судеб, кровавых убийств, алкоголизма родителей и непослушания детей. Продолжается параграф, как надо — историей токсикомана, потом письмом преступника. В конце — строгое наизидание: «*Нужна работа человека над самим собой, его забота о саморазвитии. Это и постоянное самообразование. Это и развитие своих достоинств. Это и беспощадная борьба со своими недостатками. Это и совершенствование своего тела, укрепление здоровья. Это и овладение компьютером. Это изучение иностранных языков. И самое главное — это работа над своей душой*» (66). Что такое **работа над сво-**

ей душой (не работа своей души!) после вышеприведённого напутствия — понять в принципе невозможно. Поставленные в один ряд с душой компьютер и языки превращают это хилое упоминание в насмешку. А всё вместе — в махровую антипедагогическую пошлость.

Как говорится: что ни шаг — всё в кювет. Прекрасное и мужественное понятие чести в одноимённом параграфе извращается, словно под рукой опытного иезуита: «*Любой бесчестный поступок может привести к потере чести. Это и ложь, и клевета, и воровство, и предательство. И ещё многое другое, что не одобряется обществом, нормальными людьми. Как это происходит? Иногда очень просто.*

О бесчестном поступке или преступлении становится известно окружающим — и честь потеряна» (71) (выделен мной. — Н.С.). Поражает в этом пассаже нравственное невежество автора: всё, оказывается, зависит от того, узнали люди о преступлении или нет. Полное непонимание отличия внутреннего понятия чести от репутации, то есть внешнего признания, обнаруживает наш «наставник юношества». И невдомёк ему, бедолаге, что **никакое общественное мнение не может лишить человека чести!** Честь — это достоинство и самоуважение, это производное совести, а не общественного мнения! Наличие или отсутствие чести автор напрямую связывает в учебнике с супружескими изменами, привлекая даже... историю Пушкина и Наталии Гончаровой. И снова ему невдомёк: какое 10–11-летнему ребёнку дело до супружеских измен?! Зачем он должен думать над тем, чего принципиально не в состоянии осмыслить? Какое представление о чести будет сформировано благодаря такому вздору?!

Очередной параграф называется «Жадность». Заметьте — не бережливость, а именно жадность. Но даже тут автор не может удержаться от излюбленной темы: «*Пьянство и жадность — две большие беды человека. Но жёны некоторых людей считают: пусть их супруг был бы лучше пьяницей*» (80). К чему и к кому такие напутствия? К девочкам — будущим жёнам? Или к мальчикам — по автору, будущим жадинам и алкоголикам? Характерен словарь в конце параграфа: Дюма, Петрарка, алкоголик, ростовщичество, страсть... Вот уж действительно смешал грешное с праведным.

Параграф «Зависть» (они так и идут чередой, эти немудрёные негативные названия) завершается заданием организовать над завистью суд, распределив роли обвинителей, адвокатов и судей. Смутно догадываясь, что уровень абстрактного мышления не позволит детям с этим справиться, автор даёт подсказку: «*Место зависти может занять Каин или Сальери*» (!). Откуда? Пятиклассникам??? Знать про Сальери??? У нас что, учебники пишутся сегодня без «подключения» головы?

Похоже, что так. Вот автор объясняет понятия «интрига» в словаре: происки, козни. А что такое «происки» и «коз-

ни»? — изумится пятиклассник. А это соответственно интриги! Вот такая логика, такой «методический аппарат»...

Для чего дано определение дефицита, да ещё следующим образом: «так в советский период называлось отсутствие необходимых товаров»? А что такое «советский период»? — спросит с недоумением ребёнок (а вернее всего не спросит, а пропустит как неинформативное слово). Почему только в советский период был дефицит? И сейчас — в... капиталистический, демократический... рыночный... как назвать нынешнее состояние общества? — есть дефицит — бюджета, нравственности. И — авторской ответственности, к сожалению. Причём явный дефицит, ярко выраженный.

Но главные перлы нас ждут в параграфе «Что такое власть». О родительской власти автор пишет следующее: «У мамы **авторитет**. Её очень уважают другие взрослые. Она умнее и опытнее сына. У неё высшее образование. Её работа очень сложна. Непонятно, как она вообще может её выполнять! А сын пока только в третьем классе учится.

У мамы — **сила**. Когда сын не слушается, мама сердится. Тогда не жди ничего хорошего. Чаще мама сама справляется с сыном, но иногда обращается за помощью к папе. Папа хмурится и говорит резкие слова. Лучше до этого дело не доводить.

У мамы — **деньги**. Она распоряжается семейным бюджетом. Именно от неё зависит, будут ли в доме продукты, одежда, мебель. Ещё нужно оплачивать квартиру, газ, отопление, электроэнергию, телефон и т.д. Захочет сын мороженое — идёт к маме просить денег. Может дать, а может и не дать — всё зависит от его поведения и состояния семейного бюджета.

Итак: мама отвечает за сына, у неё авторитет, сила и материальные средства. Всё это составляет её родительскую власть над сыном. Эта власть начинает «работать», когда мама что-то требует. Её власти приходится подчиняться. Не подчинишься — тебе же хуже будет» (97–98).

Читая всю эту чушь, не понимаешь, что держишь в руках: катехизис для закоренелых малолетних преступников или школьный учебник? Нешуточная агрессия и жёсткие апелляции к тому, что Эрих Фромм называл иррациональным авторитетом и авторитарной совестью, впечатлительного ребёнка вполне могут ввести в шоковое состояние. Ну, а того, кому приходится жить именно в таких семьях, учебник убедит, что такое положение дел единственно возможно. Безднадёга... В то время как **на самом деле родительская власть держится на любви. Это первая и главная реальность, с которой ребёнок имеет дело и о которой должен знать. В том числе и из учебника.**

В главе «Что такое государство» рассказ о нём подменяется повествованием о малолетнем преступнике, которого судили в соответствии с «**Уголовным кодексом Российской Федерации**», в результате чего вся его жизнь пошла под откос из-

за преступления, совершённого по неосторожности в детском возрасте. Подробно описывается количество минимальных зарплат, которые должны были выплачивать пострадавшему сначала родители преступника, а с 18 лет — он сам... Снова старая песня: преступление, суд, прокурор, наказание, тюрьма...

Поражаешься избирательности болезненного авторского мышления. Сюжеты а-ля Альфред Хичкок проходят через весь курс и иллюстрируют абсолютно любую тему. Параллельно предлагаются такие вопросы и темы для сочинений:

«Какой путь для решения проблемы чеченского сепаратизма предпочли бы Вы?» (115), «Почему распался Советский Союз?» (119). **Это предлагается детям 10–11 лет!**

В 6-м классе многое повторяется. Например, имена исторических деятелей в словариках (книга афоризмов, видно, оказалась короткой), темы самих параграфов... Опять учебник завершают угрожающие главы про токсикоманию и наркоманию. Мрачный раздел «Жизнь даётся один раз» (калька с 5-го класса) открывается главой «О жизни и смерти»: «**Страшную историю рассказали как-то журналисты. Мерзкий убийца совершил несколько кровавых преступлений и был приговорён судом к смертной казни. У него взяли интервью...**» Жутковато выглядит выделенное курсивом поучение: «**Нет таких людей, которые бы не замирали перед ужасом смерти**» (138).

Скажем со всей определённой: написав такой учебник, **г-н Соколов совершил педагогическое и нравственное преступление**. Рассказ о полноте жизни, о ярких красках мира, знакомство ребят с мудростью древних философских воззрений о вечности жизни, о её непреходящей самоценности он подменил отвратительным пугалом. Страшной, безысходной картиной распалил мутное болезненное любопытство, смешанное с нутряной жутью. Это чувство легко в наше время удовлетворить, став зри-

телем разного рода «криминальных хроник», триллеров, «окон» на экранах телевизоров и читателем книжонок о похождениях матерых бандюг.

Логично и завершение этой «учебной» книги: «*О латинском выражении «Memento mori!»* знают многие. Оно переводится: **«Помни о смерти!»** Но не все задумывались о его значении. Оно — в следующем: **не забывай о том, что смерть неизбежна...**» Следующий параграф («Здоровье») последовательно начинается рассказом о том, что слабых детей в Спарте сбрасывали в ущелье, и утверждением о том, что болезнь лишает человека счастья. Спасибо автору: особенно приятно будет узнать об этом хронически больным детям, которые, надо полагать, тоже изучают «Граждановедение» по этому источнику и которых немало в современной школе.

На фоне этого обыденно выглядит определение суда как **органа государственного принуждения**, применяемого к лицам, нарушающим законы. Заметим — **не установления истины и справедливости**, а именно **государственного принуждения**. Вязкое варево убогих деклараций наполняет и все последующие учебники этого цикла. Только темы там более практически необходимые — алименты, делёж имущества при разводе, ответственность за пересечение государственной границы...

Всё это не просто отвратительно. Оставим эмоции. Благодаря открытиям выдающегося психолога Станислава Грофа мы знаем, где истоки постоянного ощущения нечистоты, авторитарного угнетения и безысходности. Эти ощущения преодолевает рождающийся ребёнок, когда видит «свет в конце туннеля» и после напряжённой борьбы испытывает катарсис от перехода в новое качество — новорождённого. Если по какой-то причине положение ребёнка застывает в той фазе, когда велико желание свободы, но родовые пути закрыты, он получает родовую психическую травму, которая во

многом определит в дальнейшем его характер. Велик шанс, что он вырастет вялым, инертным, безынициативным. Человека с таким характером напрямую «воспитывает» учебник гражданского поведения.

Навязчивое муссирование депрессивных образов и соответствующей фразеологии вводит неокрепшее сознание в ступор, зомбирует психику. Взаимодействие с реальностью невольно начинает проходить в навязанной логической и терминологической сетке. Запугивание, уничтожение веры в добро и справедливость мира, ветхозаветное начётничество порождают разнообразные фобии и сковывают свободное проявление жизненной и творческой энергии. Происходит жестокая депривация.

В холодном враждебном мире, о котором столь ярко повествует учебник, хочется всегда быть съёженным и незаметным. Или, наоборот, «отвязанно» гиперактивным, пытаюсь невротической подвижностью заглушить внушённый страх. Мало нам, оказывается, депрессивного кино и телевидения — уже и в школе орудут безжизненные манекены, припорошивая серой пылью все светлые и чистые проявления подрастающего поколения. И это в нашем-то обществе, где процент здоровых детей и без того катастрофически мал!

В слове, как известно, заключена огромная энергия. **Акцент на понятиях «любовь», «истина», «добро», «радость» несёт огромный позитивный заряд.** Давать детям жизненный опыт преодоления, восторг познания неизведанного, закалять в испытаниях, поддерживая веру в доброжелательную помощь наставника — вот важнейшая педагогическая задача, источник свободы и способности человека плодотворно решать встающие перед ним и обществом проблемы. «Граждановедение» служит иному...

Как же оградить наших детей от таких, с позволения сказать, «учебников»? Как не допустить, чтобы детей загоняли в унылые, безысходные экзистенциальные тупики?

Выход один: наша педагогическая и родительская активность, протестные письма, звонки, акции. Надо заставить, наконец, чиновников Министерства образования и науки, членов Федерального экспертного совета думать о детях и не допускать в школу подобную халтуру.

Сейчас заново формируются предметные комиссии экспертных советов. Можно и нужно настаивать на том, чтобы в каждый ФЭС был введён психолог, способный на самой ранней стадии обсуждения учебников проанализировать вложенные в них идеи и возможные последствия их восприятия нашими с вами детьми.

А пока... Пока остаётся внимательно выбирать и решительно отстранять те учебники, в которых «небо в клеточку, а друзья в полосочку»...

Москва